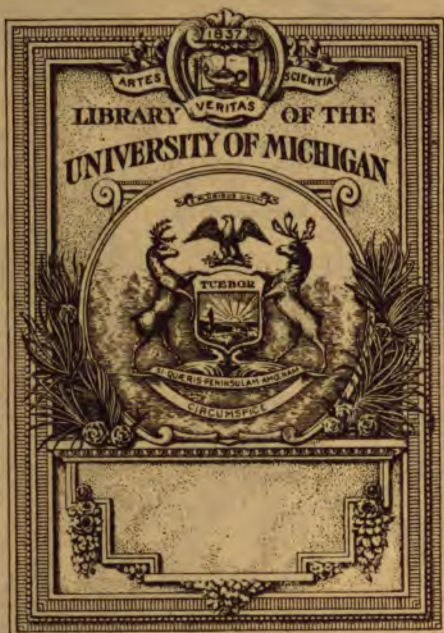
СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА.

Изданіе второе, дополненное.

ЦѢНА 1 Р. 20 К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. М. Ледерле и К°.
1895

1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUÆRIS PENINSULAM AMŒNAM
CIRCUMSPICE

СТИХОТВОРЕНІЯ

Владиміра Соловьева

реній,
г.),
одно
вдони-
ѣ прочія
ъ различ-
ъ (преиму-
оны») за по-

слѣдовать
у либо дру-
въ размѣще-
ился только
подражаній

967

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Марта 1895 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

Въ этой книжкѣ кромѣ стихотвореній, вошедшихъ въ первое изданіе (1891 г.), помѣщено болѣе сорока новыхъ; одно изъ нихъ было напечатано подъ псевдонимомъ (въ «Русской Мысли»), всѣ прочія появлялись съ моею подписью въ различныхъ сборникахъ и журналахъ (преимущественно въ «Вѣстникѣ Европы») за послѣдніе четыре года.

Я не нашелъ удобнымъ слѣдовать хронологическому или какому либо другому опредѣленному порядку въ размѣщеніи стихотвореній, и ограничился только соединеніемъ переводовъ и подражаній въ особомъ отдѣлѣ.

I.

Въ странѣ морозныхъ вьюгъ, среди сѣдыхъ
туметновъ
Явилась ты на свѣтъ,
И, бѣдное дитя, межь двухъ враждебныхъ
становъ
Тебѣ пріюта нѣтъ.

Но не смутятъ тебя воинственные клики,
Звонъ латъ и стукъ мечей,
Въ раздумьи ты стоишь и слушаешь великій
Завѣтъ минувшихъ дней:

Какъ древле вышній Богъ избраннику Еврею
Открыться обѣщалъ,
И Бога своего, молитвой пламенѣя,
Пророкъ въ пустынѣ ждалъ.

Вотъ грохотъ подъ землей и гулъ прошелъ далеко
И меркнетъ солнца свѣтъ,
И дрогнула земля, и страхъ объялъ пророка,
Но въ страхѣ Бога нѣтъ.

*

И слѣдомъ шумный вихрь и бурное дыханье,
И рокотъ въ вышинѣ,
И съ нимъ великій огнь, какъ молніи сверканье,—
Но Бога нѣтъ въ огнѣ.

И смолкло все, укрощено смятенье,
Пророкъ не даромъ ждалъ:
Вотъ вѣетъ тонкій хладъ, *) и въ тайномъ дуновеньѣ
Онъ Бога угадалъ.

*) «Духъ хлада тонка»—выраженіе славянской библіи.

II.

L'onda del' mar' divisa.

Волна въ разлукѣ съ моремъ
Не вѣдаетъ покою,
Ключемъ ли бьетъ кипучимъ,
Иль катится рѣкою,—

Все ропщетъ и вздыхаетъ,
Въ цѣпяхъ и на просторѣ,
Тоскуя по безбрежномъ,
Бездонномъ синемъ морѣ.

III.

Безкрылый духъ, землею полоненный,
Себя забывшій и забытый богъ...
Одинъ лишь сонъ,—и снова окрыленный
Ты мчишься ввысь отъ суетныхъ тревогъ.

Неясный лучъ знакомаго блистанья,
Чуть слышный отзвукъ пѣсни неземной
И прежній міръ въ немеркнущемъ сіяньи
Встаетъ опять предъ чуткою душой.

Одинъ лишь сонъ—и въ тяжкомъ пробужденьи
Ты будешь ждать съ томительной тоской
Вновь отблеска нездѣшняго видѣнья,
Вновь отзвука гармоніи святой.

IV.

А. А. Фету, 19 октября 1884 г.

Перелетѣвъ на крыльяхъ лебединыхъ
Двойную грань пространства и вѣковъ,
Подслушалъ ты на царственныхъ вершинахъ
Живую пѣснь умолкнувшихъ пѣвцовъ.
И приманилъ твой сладкозвучный геній
Чужихъ боговъ на наши берега,
И подъ лучемъ воскресшихъ пѣснопѣній
Растаяли сарматскія снѣга.
И пышный лавръ средь степи нелюдимой
На пѣснь твою разцвѣлъ и зашумѣлъ,
И самъ орелъ поэзіи родимой
Къ тебѣ съ высотъ невидимыхъ слетѣлъ *).

---

*) А. А. Фетъ, котораго исключительное дарованіе, какъ лирика, было по справедливости оцѣнено въ началѣ его литературнаго поприща, подвергся затѣмъ продолжительному гоненію и глумленію по причинамъ, неимѣющимъ никакого отношенія къ поэзіи. Лишь въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, этотъ несравненный поэтъ, которымъ должна гордиться наша литература снова пріобрѣлъ благосклонность читателей и критиковъ. Первымъ публичнымъ выраженіемъ этой перемѣны въ отношеніи къ нему явилось сужденіе академіи наукъ, удостоившей полной Пушкинской преміи его переводы изъ Горація и Гете. Это признаніе его заслугъ имѣло для Фета особенное значеніе потому, что было связано съ именемъ боготворимаго имъ Пушкина (сюда относятся слова «самъ орелъ поэзіи родимой»).

V.

Восторгъ души расчетливымъ обманомъ
И рѣчью рабскою—живой языкъ боговъ,
Святыню Музъ—шумящимъ балаганомъ
Онъ замѣнилъ и обманулъ глупцовъ.

Когда-же самъ, разбитъ, разочарованъ,
Тоскуя вспомнилъ онъ святую красоту,
Безсильный умъ, къ земной пыли прикованъ,
Напрасно призывалъ нетлѣнную мечту.

Былой любви плѣнительные звуки
Вложить въ скорбящій стихъ напрасно онъ хотѣлъ
Не поднялись коснѣющія руки,
И блѣдный призракъ тихо отлетѣлъ.

VI.

Уходишь ты, и сердце въ часъ разлуки.
Ужь не звучитъ желаньемъ и мольбой;
Утомлено годами долгой муки,
Ненужной лжи, отчаянья и скуки,
Оно сдалось и смолкло предъ судьбой.

И какъ среди песковъ степи безводной
Бѣлѣетъ рядъ покинутыхъ гробовъ,
Такъ въ памяти моей найдутъ покой холодный
Гробницы свѣтлыхъ грезъ моей любви безплодной
Невыраженныхъ чувствъ, невысказанныхъ словъ.

И если нѣкогда надъ этими гробами
Нежданно прозвучитъ призывный голосъ твой,
Лишь отзвукъ каменный застывшими волнами
О той пустынѣ, что лежитъ межъ нами,
Тебѣ пошлетъ отвѣтъ холодный и нѣмой.

VII.

О какъ въ тебѣ лазури чистой много
И черныхъ, черныхъ тучъ!
Какъ ясно надъ тобой сіяетъ отблескъ Бога,
Какъ злой огонь въ тебѣ томителенъ и жгучъ.

И какъ въ твоей душѣ съ невидимой враждою
Двѣ силы вѣчныя таинственно сошлись,
И тѣни двухъ міровъ нестройною толпою
Тѣснясь къ тебѣ причудливо сплелись.

Но вѣрится: пройдетъ сверкающій громами
Средь этой мглы божественный глаголъ,
И туча черная могучими струями
Прорвется вся въ опустошенный долъ.

И свѣтлою росой она его омоетъ,
Огонь стихій враждебныхъ утолитъ,
И весь свой блескъ небесный сводъ откроетъ
И всю красу земли недвижно озаритъ.

VIII.

Три подвига.

Когда рѣзцу послушный камень
Предстанетъ въ ясной красотѣ,
И вдохновенья мощный пламень
Дастъ жизнь и плоть твоей мечтѣ,
У заповѣднаго предѣла
Не мни, что подвигъ совершенъ,
И отъ божественнаго тѣла
Не жди любви, Пигмаліонъ!
Нужна ей новая побѣда:
Скала надъ бездною виситъ,
Зоветъ въ смятеньѣ Андромеда
Тебя, Персей, тебя, Алкидъ!
Крылатый конь къ пучинѣ прянулъ,
И щитъ зеркальный вознесенъ,
И опрокинутъ — въ бездну канулъ
Себя увидѣвшій драконъ.

—

Но незримый врагъ возстанетъ,
Въ рогъ побѣдный не зови—
Скоро, скоро тризной станетъ
Праздникъ счастья и любви.
Гаснутъ радостные клики,
Скорбь и мракъ и слезы вновь,
Смерть пришла—и Эвридики
Не спасла твоя любовь.
Но воспрянь! Душой недужной
Не склоняйся предъ судьбой,
Беззащитный, безоружный
Смерть зови на смертный бой!
И на сумрачномъ порогѣ.
Въ сонмѣ плачущихъ тѣней
Очарованные боги
Узнаютъ тебя, Орфей!
Волны пѣсни всепобѣдной
Потрясли Аида сводъ,
И владыка смерти блѣдной
Эвридику отдаетъ.

IX.

Подъ чуждой властью знойной вьюги.
Видѣнья прежнія забывъ,
Я вновь таинственной подруги
Услышалъ гаснущій призывъ.
И съ крикомъ ужаса и боли
Желѣзомъ схваченный орелъ—
Затрепеталъ мой духъ въ неволѣ
И сѣть порвалъ и въ высь ушелъ.
И на заоблачной вершинѣ,
Предъ моремъ пламенныхъ чудесъ
Во всесіяющей святынѣ
Онъ загорѣлся и исчезъ.

X.

Вся въ лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя,—
Сердце сладкимъ восторгомъ забилось,
И въ лучахъ восходящаго дня
Тихимъ свѣтомъ душа засвѣтилась,
А вдали догорая дымилось
Злое пламя земного огня.

XI.

У царицы моей есть высокій дворецъ,
О семи онъ столбахъ золотыхъ,
У царицы моей семигранный вѣнецъ,
Въ немъ безъ счету камней дорогихъ.

И въ зеленомъ саду у царицы моей
Розъ и лилій краса расцвѣла,
И въ прозрачной волнѣ серебристый ручей
Ловитъ отблескъ кудрей и чела.

Но не слышитъ царица, что шепчетъ ручей,
На цвѣты и не взглянетъ она:
Ей туманитъ печаль свѣтъ лазурныхъ очей,
И мечта ея скорби полна.

Она видитъ: далеко, въ полночномъ краю,
Средь морозныхъ тумановъ и вьюгъ,
Съ злою силою тьмы въ одиночномъ бою
Гибнетъ ею покинутый другъ.

И бросаетъ она свой алмазный вѣнецъ,
Оставляетъ чертогъ золотой
И къ невѣрному другу,—нежданный пришлецъ,—
Благодатной стучится рукой.

И надъ мрачной зимой молодая весна—
Вся сіяя склонилась надъ нимъ
И покрыла его, тихой ласки полна,
Лучезарнымъ покровомъ своимъ.

И низринуты темныя силы во прахъ,
Чистымъ пламенемъ весь онъ горитъ
И съ любовію вѣчной въ лазурныхъ очахъ
Тихо другу она говоритъ.

«Знаю, воля твоя волнъ морскихъ не вѣрнѣй,
«Ты мнѣ вѣрность клялся сохранить,—
«Клятвѣ ты измѣнилъ, но измѣной своей
«Могъ ли сердце мое измѣнить?»

XII.

Другъ мой! прежде, какъ и нынѣ,
Адониса отпѣвали.
Стонъ и вопль стоялъ въ пустынѣ,
Жены скорбныя рыдали.

Другъ мой! прежде, какъ и нынѣ,
Адонисъ вставалъ изъ гроба,
Не страшна его святынѣ
Вражьихъ силъ слѣпая злоба.

Другъ мой! нынѣ, какъ бывало,
Мы любовь свою отпѣли,
А вдали зарею алой
Вновь лучи ея зардѣли.

XIII.

Пѣсня офитовъ.

Бѣлую лилію съ розой
Съ алою розою мы сочетаемъ.
Тайной пророческой грезой
Вѣчную истину мы обрѣтаемъ.

Вѣщее слово скажите!
Жемчугъ свой въ чашу бросайте скорѣе!
Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древняго змѣя.

Вольному сердцу не больно...
Ей ли бояться огня Прометея?
Чистой голубкѣ привольно
Въ пламенныхъ кольцахъ могучаго змѣя.

Пойте про ярыя грозы.
Въ ярой грозѣ мы покой обрѣтаемъ...
Бѣлую лилію съ розой
Съ алою розою мы сочетаемъ.

XIV.

Въ былые годы любви невзгоды
Соединяли насъ,
Но пламень страсти не въ нашей власти,
И мой огонь угасъ.

Пускай мы нынѣ въ мірской пустынѣ
Сошлись опять вдвоемъ,—
Ужъ другъ для друга любви недуга
Мы вновь не принесемъ.

Весна умчалась и намъ осталась
Лишь память о веснѣ—
Средь жизни смутной, какъ сонъ минутной,
Какъ счастіе во снѣ.

*

XV

. . . .

Пусть осень ранняя смѣется надо мною,
Пусть серебритъ морозъ мнѣ темя и виски,—
Съ весеннимъ трепетомъ стою передъ тобою,
Исполненъ радости и молодой тоски.

И съ милымъ образомъ не хочется разстаться,
Довольно мнѣ борьбы, стремленій и потерь.
Всю жизнь, съ которою такъ тягостно считаться
Какой-то сказкою считаю я теперь.

XVI.

. . . .

Былъ труденъ долгій путь. Хоть восхищала
взоры,
Порой природы дивной благодать,
Но неприступныя кругомъ сдвигались горы,
И грудь усталая едва могла дышать.

И вдругъ посыпались зарей вечерней розы,
Душа почуяла два легкія крыла,
И въ новую страну неистощимой грезы.
Любовь-волшебница меня перенесла.

Поляна чистая луною серебрится,
Деревья стройныя недвижимо стоятъ,
И нѣжныхъ эльфовъ рой невидимо кружится,
И феи блѣдныя задумчиво скользятъ.

XVII.

Тамъ, подъ липой у рѣшетки
Мнѣ назначено свиданье...
Я иду, какъ агнецъ кроткій,
Обреченный на закланье,

Все какъ прежде: по высотамъ
Звѣзды старыя моргаютъ,
И въ кустахъ по старымъ нотамъ
Соловьи концертъ играютъ.

Я порядка не нарушу,—
Но имѣй же состраданье:
Не томи мою ты душу,
Отпусти на покаянье.

XVIII.

Милый другъ, иль ты не видишь,
Что все видимое нами—
Только отблескъ, только тѣни
Отъ незримаго очами?

Милый другъ, иль ты не слышишь,
Что житейскій шумъ трескучій—
Только откликъ искаженный
Торжествующихъ созвучій?

Милый другъ, иль ты не чуешь,
Что одно на цѣломъ свѣтѣ—
Только то, что сердце къ сердцу
Говоритъ въ нѣмомъ привѣтѣ.

XIX.

Вижу очи твои изумрудныя,
Свѣтлый обликъ встаетъ предо мной.
Въ эти сны на яву, непробудные
Унесло меня новой волной.

Ты поникла, земной паутиною
Вся опутана, бѣдный мой другъ,
Но не бойся: тебя не покину я,—
Онъ сомкнулся магическій кругъ.

Въ эти сны на яву, непробудные
Унесетъ насъ волною одной.
Вижу очи твои изумрудныя,
Свѣтлый обликъ стоитъ предо мной.

XX.

День прошелъ съ суетой безпощадною.
Вкругъ меня благодатная тишь,
А въ душѣ ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздѣльно царишь.

Всѣ порывы и чувства мятежныя,
Злую жизнь, что кипѣла въ крови
Поглотило стремленье безбрежное
Роковой, беззавѣтной любви.

Днемъ луна словно облачко блѣдное
Чуть мелькнетъ бѣлизною своей,
А въ ночи—передъ ней всепобѣдною
Гаснутъ искры небесныхъ огней.

XXI.

Зной безъ сіянія, тучи безводныя,
Шумъ городской суеты.
Въ сердцѣ тоскующемъ думы безплодныя,
Трепетъ безкрылой мечты.

Жду, когда новая туча надвинется,
Думы прольются въ слезахъ,
И надъ разбитою скорбью поднимется
Ликъ твой какъ солнце въ лучахъ.

XXII.

Тамъ, гдѣ семьей столпились ивы
И пробивается ручей
По дну оврага торопливо,
Запѣлъ послѣдній соловей.

Что это? Радость обновленья,
Иль безнадежное прости?..
А вдалекѣ неслось движенье
И гулъ желѣзнаго пути.

И небо высилось ночное
Съ невозмутимостью святой
И надъ любовію земною
И надъ земною суетой...

XXIII.

Нѣтъ вопросовъ давно, и не нужно рѣчей,
Я стремлюся къ тебѣ словно къ морю ручей,
Безъ сомнѣній и думъ милый образъ ловлю,
Знаю только одно,—что безумно люблю.

Въ аломъ блескѣ зари я тебя узнаю.
Вижу въ свѣтѣ небесъ я улыбку твою,
А когда безъ тебя суждено умереть,
Буду яркой звѣздой надъ тобою горѣть.

XXIV.

Тѣсно сердце,—я вижу—твое для меня,
А разбить его было бъ мнѣ жалко.
Хоть бы искру, хоть искру живого огня,
Ты холодная злая русалка!

А покинуть тебя и забыть мнѣ не въ мочь:
Міръ тогда потеряетъ всѣ краски.
И замолкнутъ на вѣкъ въ эту черную ночь
Всѣ безумныя пѣсни и сказки.

XXV.

Мы сошлись съ тобой не даромъ,
И не даромъ, какъ пожаромъ,
Дышетъ страсть моя:
Эти пламенныя муки
Только вѣрныя поруки
Силы бытія.

Въ бездну мрака огневую
Льетъ струю свою живую
Вѣчная любовь.
Изъ пылающей темницы
Для тебя перо Жаръ-птицы
Я добуду вновь.

Свѣтъ изъ тьмы. Надъ черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики розъ твоихъ,
Еслибъ въ сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень ихъ.

XXVI.

Зачѣмъ слова? Въ безбрежности лазурной
Эѳирныхъ волнъ созвучныя струи
Несутъ къ тебѣ желаній пламень бурный
И тайный вздохъ нѣмѣющей любви.

И трепеща у милаго порога
Забытыхъ грезъ къ тебѣ стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Одинъ лишь мигъ,—и я передъ тобой.

И въ этотъ мигъ незримаго свиданья
Нездѣшній свѣтъ вновь озаритъ тебя,
И тяжкій сонъ житейскаго сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

XXVII.

Я добился свободы желанной,
Что манила вдали словно кладъ,
Отчего же съ тоскою нежданной,
Отчего я свободѣ не радъ?

Ноетъ сердце и падаютъ руки,
Все такъ тускло и глухо вокругъ
Съ рокового мгновенья разлуки,
Мой жестокій, мой сладостный другъ.

XXVIII.

Скромное пророчество.

Повернуло къ лѣту Божье око,
На землѣ-жъ все злѣй и злѣй морозы....
Вы со мною холодны жестоко,
Но я чую, чую запахъ розы.

Я въ пророки возведенъ врагами,
На смѣхъ это дали мнѣ прозванье,
Но пророкъ правдивый я предъ вами,
И свершится скоро предсказанье.

Я пророчу,—слушайте, дріада!
Я пророчу, что минуетъ холодъ,
Что земля воскреснетъ, солнцу рада,
Что проснется лѣсъ, какъ прежде молодъ.

Я пророчу,—это между нами,—
Что гулять вы будете по саду
И впивать и носомъ и глазами
Майской ночи свѣтлую отраду.

XXIX.

О, что значатъ всѣ слова и рѣчи,
Этихъ чувствъ отливъ или прибой
Передъ тайною нездѣшней нашей встрѣчи,
Передъ вѣчною, недвижною судьбой?

Въ этомъ мірѣ лжи—о какъ ты лжива!
Средь обмановъ ты живой обманъ,
Но вѣдь онъ со мной, онъ мой, тотъ мигъ
счастливый,
Что разсѣетъ весь земной туманъ.

Пусть и ты не вѣришь этой встрѣчѣ,
Все равно,—не спорю я съ тобой.
О, что значатъ всѣ слова и рѣчи
Передъ вѣчною, недвижною судьбой?

XXX.

Милый другъ, не вѣрю я нисколько
Ни словамъ твоимъ, ни чувствамъ, ни глазамъ
И себѣ не вѣрю, вѣрю только
Въ высотѣ сіяющимъ звѣздамъ.

Эти звѣзды мнѣ стезею млечной
Насылаютъ вѣрныя мечты,
И ростятъ въ пустынѣ безконечной
Для меня нездѣшніе цвѣты.

И межь тѣхъ цвѣтовъ, въ томъ вѣчномъ лѣтѣ,
Серебромъ лазурнымъ облита,
Какъ прекрасна ты, и въ звѣздномъ свѣтѣ
Какъ любовь свободна и чиста!

*

XXXI.

(посв. В. Л. Величко).

Пора весеннихъ грозъ еще не миновала,
А ужъ зима пришла,
И старость ранняя нежданно разсказала,
Что жизнь свое взяла.
И надъ обрывами безцѣльнаго блужданья,
Повисъ сѣдой туманъ.
Душа не чувствуетъ бывалаго страданья,
Не помнитъ старыхъ ранъ.
И, воздухъ горный радостно вдыхая,
Я въ новый путь готовъ,
Далеко отъ цвѣтовъ увянувшаго мая,
Отъ жаркихъ лѣтнихъ сновъ.

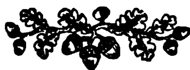

XXXII.

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны—и схваченная снами
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко
Далеко все, что грезилося мнѣ.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами
Весь пламенѣющій побѣдными огнями
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

XXXIII.

Земля владычица! Къ тебѣ чело склонилъ я,
И сквозь покровъ благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутилъ я,
Услышалъ трепетъ жизни міровой.
Въ полуденныхъ лучахъ такою нѣгой жгучей
Сходила благодать сіяющихъ небесъ,
И блеску тихому несли привѣтъ пѣвучій
И вольная рѣка, и многошумный лѣсъ.
И въ явномъ таинствѣ вновь вижу сочетанье
Земной души со свѣтомъ неземнымъ,
И отъ огня любви житейское страданье
Уносится какъ мимолетный дымъ.

XXXIV.

Какой тяжелый сонъ! Въ толпѣ нѣмыхъ видѣній,
Тѣснящихся и рѣющихъ кругомъ,
Напрасно я ищу той благодатной тѣни,
Что тронула меня своимъ крыломъ.

Но только уступлю напору злыхъ сомнѣній,
Глухой тоской и ужасомъ объятъ,—
Вновь чую надъ собой крыло незримой тѣни,
Ея слова по-прежнему звучатъ.

Какой тяжелый сонъ! Толпа нѣмыхъ видѣній
Растетъ, растетъ и заграждаетъ путь,
И еле слышится далекій голосъ тѣни:
Не вѣрь мгновенному, люби и не забудь!

XXXV.

Бѣдный другъ, истомилъ тебя путь,
Теменъ взоръ, и вѣнокъ твой измятъ,
Ты войди же ко мнѣ отдохнуть.
Потускнѣлъ, догорая, закатъ.

Гдѣ была и откуда идешь,
Бѣдный другъ, не спрошу я любя;
Только имя мое назовешь—
Молча къ сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царятъ на землѣ,—
Ты владыками ихъ не зови;
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,
Неподвижно лишь солнце любви.

XXXVI.

Въ Альпахъ.

Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія
Радостно-мощный прибой.
Зыбкую насыпь надеждъ и желанія
Смыло волной голубой.

Синія горы кругомъ надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души надъ землей поднимаются,
Но не покинутъ земли.

Въ берегъ надежды и въ берегъ желанія
Плещетъ жемчужной волной
Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія
Радостно-мощный прибой.

XXXVII.

Осеннею дорогой.

Меркнетъ день. Надъ усталой, поблекшей землей
Неподвижныя тучи висятъ.
Подъ прощальнымъ уборомъ листвы золотой
И березы и липы сквозятъ.
Душу обняли нѣжно-тоскливые сны,
Замерла безконечная даль,
И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.
И какъ будто земля, отходя на покой,
Погрузилась въ молитву безъ словъ,
И спускается съ неба невидимый рой
Блѣднокрылыхъ, безмолвныхъ духовъ.

XXXVIII.

Хоть мы на вѣкъ незримыми цѣпями
Прикованы къ нездѣшнимъ берегамъ,
Но и въ цѣпяхъ должны свершить мы сами
Тотъ кругъ, что боги очертили намъ.

Все, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творитъ,
И подъ личиной вещества безстрастной
Вездѣ огонь божественный горитъ.

XXXIX.

Посвященіе къ неизданной комедіи.

Не жди ты пѣсень стройныхъ и прекрасныхъ,
У темной осени цвѣтовъ ты не проси!
Не зналъ я дней сіяющихъ и ясныхъ,
А сколько призраковъ недвижныхъ и безгласныхъ
Покинуто на сумрачномъ пути.

Таковъ законъ: все лучшее въ туманѣ,
А близкое иль больно, иль смѣшно.
Не миновать намъ двойственной сей грани:
Изъ смѣха звонкаго и изъ глухихъ рыданій
Созвучіе вселенной создано.

Звучи же смѣхъ свободною волною,
Негодованія не стоятъ наши дни.
Ты, муза бѣдная, надъ смутною стезею
Явись хоть разъ съ улыбкой молодою
И злую жизнь насмѣшкою незлою
Хотя на мигъ одинъ угомони.

XL.

Не по волѣ судьбы, не по мысли людей,
Не по мысли твоей я тебя полюбилъ,
И любовію вѣщей моей
Отъ невидимой злобы, отъ тайныхъ сѣтей
Я тебя ограждалъ, я тебя оградилъ.

Пусть сбираются тучи кругомъ,
Вѣетъ бурей зловѣщей и слышится громъ,
Не страшися! Любви моей щитъ
Не падетъ передъ темной судьбой.
Межъ небесной грозой и тобой
Онъ, какъ встарь, неподвижно стоитъ.

А когда предъ тобою и мной
Смерть погаситъ всѣ свѣточи жизни земной,
Пламень вѣчной души, какъ съ Востока звѣзда,
Поведетъ насъ туда, гдѣ немеркнущій свѣтъ,
И предъ Богомъ ты будешь тогда,
Передъ Богомъ любви—мой отвѣтъ.

XLI.

Въ землю обѣтованную.

(посв. А. П. Саломону).

«Покинь скорѣй родимые предѣлы,
И весь твой родъ, и домъ отцовъ твоихъ,
И какъ стрѣлку его покорны стрѣлы—
Покоренъ будь глаголамъ устъ Моихъ.
Иди впередъ, о прежнемъ не тоскуя,
Иди впередъ, все прошлое забывъ,
И все иди,—доколь не укажу я,
Куда ведетъ любви Моей призывъ».

Онъ съ ложа всталъ и въ трепетномъ смущеньи
Не могъ рѣшить, то истина, иль сонъ.....
Вдругъ надъ главой промчалось дуновенье
Нездѣшнее—и снова слышитъ онъ:
«Отъ родныхъ многоводныхъ Халдейскихъ равнинъ,
Отъ нагорныхъ луговъ Арамейской земли,
Отъ Харрана, гдѣ дожилъ до позднихъ сѣдинъ,
И отъ Ура, гдѣ юные годы текли,—

Не на годъ лишь одинъ,
Не на много годинъ,
А на вѣчные вѣки уйди».

И онъ собралъ дружину кочевую,
И по пути воскреснувшихъ лучей
Пустился въ даль туманно-голубую
На мощный зовъ таинственныхъ рѣчей:

«Вѣетъ прямо въ лицо теплый вѣтеръ морской,
Противъ вѣтра иди ты впередъ,
А когда небосклонъ далеко предъ тобой
Водъ великихъ всю ширь развернетъ,—
Ты на лѣво тогда свороти
И впередъ поспѣшай
По прямому пути,
На пути отдыхай,
И къ полудню на солнце гляди,—
Въ сторонѣ-же будетъ градъ, или весь,
Мимо ты проходи,
И иди, все иди,
Пока самъ не скажу тебѣ: здѣсь!
Я на вѣки съ тобой;
Мой завѣтъ сохрани:
Чистымъ сердцемъ и крѣпкой душой
Будь Мнѣ вѣренъ въ ненастье и въ ясные дни:

Ты ходи предо Мной
И назадъ не гляди,
А что ждетъ впереди—
То откроется вѣрой одной.
Се, Я клялся собой,
Обѣщалъ Я, любя,
Что воздвигну всемірный Мой домъ изъ тебя,
Что прославятъ тебя всѣ земные края,
Что изъ рода потомковъ твоихъ
Выйдетъ миръ и спасенье народовъ земныхъ».

XLII.

Ex oriente lux.

«Съ Востока свѣтъ, съ Востока силы!»
И, къ вседержительству готовъ,
Ирана царь подъ Ѳермопилы
Нагналъ стада своихъ рабовъ.

Но не напрасно Прометея
Небесный даръ Элладѣ данъ.
Толпы рабовъ бѣгутъ, блѣднѣя,
Предъ горстью доблестныхъ гражданъ.

И кто-жъ до Инда и до Ганга
Стезею славною прошелъ?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орелъ.

И силой разума и права
Всечеловѣческихъ началъ
Воздвиглась Запада держава,
И міру Римъ единство далъ.

Чего-жъ еще недоставало?
Зачѣмъ весь міръ опять въ крови?
—Душа вселенной тосковала
О духѣ вѣры и любви!

И слово вѣщее не ложно,
И свѣтъ съ Востока засіялъ,
И то, что было невозможно,
Онъ возвѣстилъ и обѣщалъ.

И, разливаяся широко,
Исполненъ знаменій и силъ,
Тотъ свѣтъ, исшедшій отъ Востока,
Съ Востокомъ Западъ примирилъ.

О, Русь! въ предвидѣньѣ высокомъ
Ты мыслью гордой занята;
Какимъ же хочешь быть Востокомъ:
Востокомъ Ксеркса, иль Христа?

XLIII.

Vis ejus integra si versa fuerit in terram.

Истинно тотъ есть любимецъ боговъ, кто жизни весною
Миртомъ главы не вѣнчалъ, кого только въ грезахъ манила
Нѣжной рукой золотая царица Китеры. Дарами
Музъ и Харитъ небогатый, пусть древняго Кроноса сѣмя
Въ сердцѣ глубоко таитъ онъ и думой угрюмой питаетъ.
Рано иль поздно пробьется наружу сокрытое пламя,
Молніей вспыхнетъ и землю широкимъ охватитъ пожаромъ.
Все, что въ груди хоронилось, что образа тщетно искало:
Гордаго духа порывы и нѣжность любви безпредѣльной,—
Все то въ одну непреклонную силу сольется, волшебнымъ
Мощнымъ потокомъ всѣ думы людскія обниметъ,
Цѣпь золотую сомкнетъ и небо съ землей сочетаетъ.

XLIV.

Отрывокъ.

Зачѣмъ тебѣ любовь и ласки,
Коль свой огонь въ груди горитъ,
И цѣлый міръ волшебной сказки
Съ душой такъ внятно говоритъ;
Когда въ синѣющемъ туманѣ
Житейскій путь передъ тобой,
А цѣль достигнута заранѣ,
Побѣда предваряетъ бой;
Когда серебряныя нити
Идутъ изъ сердца въ область грезъ...
О боги вѣчные! возьмите
Мой горькій опытъ и верните
Мнѣ силу первыхъ вешнихъ грозъ!...

XLV.

Пусть тучи темныя грозящею толпою
Лазурь заволокли,—
Я вижу лунный блескъ: онъ ихъ тяжелой мглою
Не отнятъ у земли.

Пусть тьма житейскихъ золъ опять насъ разлучила,
И снова счастья нѣтъ,—
Сквозь тьму издалека таинственная сила
Мнѣ шлетъ твой тихій свѣтъ.

Края разбитыхъ тучъ сокрытыми лучами
Ужь мѣсяцъ серебритъ.
Еще одинъ лишь мигъ, и ликъ его надъ нами
Въ лазури заблеститъ.

XLVI.

Неопалимая купина.

Я рабъ грѣха. Во гнѣвѣ яромъ
Я египтянина убилъ,
Но устрашенъ своимъ ударомъ,
За братьевъ я не отомстилъ.

И трепеща неравной брани,
Бѣжалъ, невѣдая куда,
И вотъ въ пустынномъ Мидіанѣ
Коснѣю долгіе года.

Въ трудахъ безславныхъ, въ сонной лѣни,
Какъ сынъ пустыни я живу
И къ Мидіанкѣ на колѣни
Склоняю праздную главу.

И рѣже все и все туманнѣй,
Встаютъ еще передъ умомъ
Картины молодости ранней
Въ моемъ отечествѣ чужомъ.

И смутно видятся чертоги,
Гдѣ солнца жрецъ меня училъ,
И размалеванные боги
И голубой златистый Нилъ.

И слышу глухо стоны братій,
Насмѣшки гордыхъ палачей
И ропотъ сдавленныхъ проклятій
И крики брошенныхъ дѣтей...

Я рабъ грѣха. Но силой новой
Вчера весь духъ во мнѣ взыгралъ,
А предо мною кустъ терновый
Огнемъ горѣлъ и не сгоралъ.

И слышалъ я: «Народъ Мой нынѣ
Какъ тернъ для вражескихъ очей,
Но не сгорѣть его святынѣ:
Я клялся Вѣчностью Моей.

Трепещутъ боги Мицраима,
Какъ туча слава ихъ пройдетъ,
И купиной неопалимой
Израиль въ мірѣ расцвѣтетъ».

XLVII.

Кумиръ Небукаднецара.

Онъ былъ великъ, тяжелъ и страшенъ,
Съ лица какъ быкъ, спиной—драконъ,
Надъ грудой жертвенною брашенъ
Кадильнымъ дымомъ окруженъ.

Толпы несмѣтныя кишѣли,
А тамъ подъ мусикiйскiй громъ
Жрецы послушно гимны пѣли,
Склонясь предъ новымъ алтаремъ.

И отъ Египта до Памира
На зовъ сошлись князья земли
И рукотворнаго кумира
Владыкой жизни нарекли.

И противъ идола на тронѣ
Въ рукѣ держа священный шаръ
И въ семиярусной коронѣ
Явился Небукаднецаръ.

Онъ говорилъ: «мои народы!
Я царь царей, я богъ земной.
Вездѣ топталъ я стягъ свободы,
Земля умолкла предо мной.

Но видѣлъ я, что дерзновенно
Другимъ молились вы богамъ,
Забывъ, что только царь вселенной
Могъ дать боговъ своимъ рабамъ.

Теперь вамъ богъ дается новый,
Его святилъ мой царскій мечъ,
А для ослушниковъ готовы
Кресты и пламенная печь».

И по равнинѣ дикимъ стономъ
Пронесся кличъ: «ты богъ боговъ»!
Сливаясь съ мусикійскимъ звономъ
И съ гласомъ трепетныхъ жрецовъ.

——

Въ сей день безумства и позора
Я крѣпко къ Господу воззвалъ,
И громче мерзостнаго хора
Мой голосъ въ небѣ прозвучалъ.

И отъ высотъ Нахараима
Дохнуло бурною зимой.
Какъ пламя жертвенника зримо
Твердь разступилась надо мной.

Все небо ярко пламенѣло...
И дунулъ духъ и погасилъ
Огонь небесъ, и поблѣднѣло
Лице земли предъ Богомъ силъ.

И бѣлоснѣжныя метели,
Мѣшаясь съ градомъ и дождемъ,
Корою льдистою одѣли
Равнину Дурскую кругомъ.

——

Онъ палъ въ паденіи великомъ
И опрокинутый лежалъ,
А отъ него въ смятеньѣ дикомъ
Народъ испуганный бѣжалъ.

. . . .

XLVIII.

Память.

Мчи меня, память, крыломъ не старѣющимъ
Въ милую сердцу страну.
Вижу ее на пожарищѣ тлѣющемъ
Въ сумракѣ зимнемъ одну.

Горькой тоскою душа разрывается,
Жизни тамъ двѣ сожжены,
Новое что-то вдали начинается
Вмѣсто погибшей весны.

Далѣе, память! Крыломъ тиховѣющимъ
Образъ навѣй мнѣ иной...
Вижу ее на лугу зеленѣющемъ
Свѣтлою лѣтней порой.

Солнце играетъ надъ дикою Тосною,
Берегъ отвѣсный высокъ...

Вижу знакомыя старыя сосны я,
Бѣлый сыпучій песокъ...

Память, довольно! Вся скорбь пережитая
Вновь овладѣла душой,
Словно тѣ прежнія слезы пролитыя
Льются воскресшей волной.

XLIX.

Имману-Эль.

Во тьму вѣковъ та ночь ужь отступила,
Когда уставъ отъ злобы и тревогъ,
Земля въ объятьяхъ неба опочила,
И въ тишинѣ родился Съ—нами—Богъ.

И многое ужь невозможно нынѣ:
Цари на небо больше не глядятъ,
И пастыри не слушаютъ въ пустынѣ
Какъ Ангелы про Бога говорятъ.

Но вѣчное, что въ эту ночь открылось
Несокрушимо временемъ оно,
И Слово вновь въ душѣ твоей родилось
Рожденное подъ яслями давно.

Да! Съ нами Богъ,—не тамъ въ шатрѣ лазурномъ,
Не за предѣлами безчисленныхъ мiровъ,

Не въ зломъ огнѣ и не въ дыханьѣ бурномъ,
И не въ уснувшей памяти вѣковъ.

Онъ *здѣсь*, *теперь*,—средь суеты случайной,
Въ потокѣ мутномъ жизненныхъ тревогъ
Владѣешь ты всерадостною тайной:
Безсильно зло; мы вѣчны; съ нами Богъ!

L.

Вѣтеръ съ западной страны
Слезы навѣваетъ....
Плачетъ небо, стонетъ лѣсъ,
Соснами качаетъ.

То изъ края мертвецовъ
Вопли къ намъ несутся....
Сердце слышитъ и дрожитъ,
Слезы льются, льются...

Вѣтеръ съ запада утихъ,
Небо улыбнулось,
Но изъ края мертвецовъ
Сердце не вернулось.

LI.

Съ новымъ годомъ.

Новый годъ встрѣчаютъ новыя могилы
Тѣсенъ для былого новый жизни кругъ,
Радостное слово прозвучитъ уныло,—
Все же: съ новымъ годомъ старый, бѣдный другъ!

Власть-ли роковая, или немощь наша
Въ злую страсть одѣла свѣтлую любовь,—
Будемъ благодарны, миновала чаша,
Страсть перегорѣла, мы свободны вновь.

Лишь бы только время, сокрушивъ неволю,
Не взяло и силы любящихъ сердецъ,
Лишь бы только призракъ несвершенной доли
Не глядѣлся въ душу, какъ живой мертвецъ.

LII.

Если желанья бѣгутъ словно тѣни,
Если обѣты пустыя слова,—
Стоитъ ли жить въ этой тьмѣ заблужденій,
Стоитъ-ли жить, если правда мертва?

Вѣчность нужна-ли для праздныхъ стремленій,
Вѣчность нужна-ль для обманчивыхъ словъ,
Что жить достойно, живетъ безъ сомнѣній,
Высшая сила не знаетъ оковъ.

Высшую силу въ себѣ сознавая,
Чтожь тосковать о ребяческихъ снахъ?
Жизнь только подвигъ,—и правда живая,
Свѣтитъ безсмертьемъ въ истлѣвшихъ гробахъ.

LIII.

На палубѣ Торнео.

Посмотри: поблѣднѣлъ серпъ луны,
Поблѣднѣла звѣзда Афродиты,
Новый отблескъ на гребнѣ волны....
Солнца вмѣстѣ со мной подожди ты!

Посмотри, какъ потоками кровь
Заливаетъ всю темную силу.
Старый бой разгорается вновь....
Солнце, солнце опять побѣдило!

LIV.

По дорогѣ въ Упсалу.

Гдѣ ни взглянешь,—всюду камни,
Только камни да сосна....
Отчего же такъ близка мнѣ
Эта бѣдная страна?

Здѣсь съ природой въ вѣчномъ спорѣ
Человѣка духъ растетъ
И съ бушующаго моря
Небесамъ свой вызовъ шлетъ.

И средь смутныхъ очертаній
Этихъ каменныхъ высотъ
Въ блескѣ сѣверныхъ сіяній
Къ царству духовъ виденъ входъ.

Знать не даромъ изъ Кашмира
И съ полуденныхъ морей
Въ этотъ край съ начала міра
Шли толпы богатырей.

LV.

На палубѣ Фритіофа.

Только имя одно я успѣлъ прошептать
За звѣздой, что скатилася въ море;
Пожелать не успѣлъ, да и поздно желать:
Все минуло, и счастье и горе.

Берегъ скрылся давно, занятъ весь кругозоръ
Одинокой пучиной морскою.
Въ одинокой душѣ тотъ же вольный просторъ,
Что вокругъ предо мной и за мною.

LVI.

Лунная ночь въ Шотландіи.

(памяти гр. Ѳ. Л. Соллогуба).

По долинѣ межъ горъ
Лунный лучъ пробрался мнѣ въ окно.
Выходи, выходи на просторъ!
Что за сонъ, не заснуть все равно.

Ярче свѣтлаго сна, на яву
Вся долина въ сіяньи лежитъ.
Никого, никого я съ собой не зову,
Пусть одинъ водопадъ говоритъ.

Выше, выше туда, гдѣ стоитъ
Одинокая ель надъ скалой,
Гдѣ ручей межь камней невидимкой бѣжитъ,
Тамъ, гдѣ гномы живутъ подъ землей,

Шире, шире растетъ кругозоръ,
Все яснѣй и яснѣй при лунѣ
Очертанія сѣрыя горъ,
Отраженныхъ въ Ломондской волнѣ.

Отчего-жь этой ночи краса
Словно призракъ безмолвный грустна?
Свѣтъ холодный струятъ небеса,
И земля, какъ луна холодна.

Точно свѣтлый простертъ балдахинъ
Надъ гробами минувшихъ вѣковъ,
Точно въ лунную ночь на землѣ я одинъ
Средь незримой толпы мертвецовъ.

Проникаетъ до самой души
Лунный холодъ, что льется вокругъ...
Что же это въ недвижной тиши
Всколыхнулось и грянуло вдругъ?

Голоса изъ невидимыхъ странъ,
Дикихъ звуковъ неслыханный рядъ
Воетъ рогъ и гремитъ барабанъ,
И неистово флейты визжатъ.

Одинокая ель ожила
И на встрѣчу вѣтвями шумитъ
Ожила и нѣмая скала,
Въ тайномъ трепетѣ мшистый гранитъ.

(Пѣснь горцевъ).

Слава вождю, что ведетъ насъ къ побѣдамъ!
Онъ носитъ на знамени вѣчно зеленую ель.
Всюду за ней мы, и страхъ намъ невѣдомъ,
Кланъ-Альпинъ гроза для окрестныхъ земель.

. . . .

Что намъ цвѣты въ ихъ измѣнчивой славѣ?
Чѣмъ ярче весна, тѣмъ ихъ гибель грустнѣй.
Зимней порой ни листочка въ Троссахской
дубравѣ:
Тогда то гордимся мы елью зеленой своей.

Корни глубоко въ разсѣлины скалъ запустили,
Зимнія бури надъ ней истощатъ свои силы
Чѣмъ онѣ крѣпче, тѣмъ крѣпче срастется съ
родною горой.
Пусть же Монтэйтъ съ Брэдалбанской
землею
Снова и снова гремятъ ей хвалою:
Родеригъ Вих-Альпинъ-дху, го! іэрой!
Гордо нашъ пиброхъ звучалъ въ Глэн-Фруинѣ,
И Баннохаръ стономъ ему отвѣчалъ.

Глэн-Люссъ и Росс-дху дымятся въ долинѣ
Пустыней весь берегъ Лох-Ломонда сталъ.
Вдовамъ и дѣвамъ саксонскимъ во вѣкъ
Памятенъ будетъ нашъ ярый набѣгъ,
Стракомъ и горемъ онѣ поминать тебя будутъ,
альпинскій герой!
Въ трепетѣ Леннотсъ и Левенглэнъ
Только заслышатъ вблизи своихъ стѣнъ.
Родеригъ Вих-Альпин-дху, го! іэрой! *)

Дикіе клики звучали побѣдно...
Мигъ лишь,—и снова безмолвье царитъ.
Призраки звуковъ замолкли безслѣдно,
Только ручей подъ камнями шумитъ.
Старая ель и холодныя скалы,
Въ мертвомъ просторѣ сіяетъ луна.
Пѣсня былого на вѣкъ отзвучала,
Дикая жизнь—не воскреснетъ она!

*) Привѣтственный кличъ вождю на гаэльскомъ языкѣ. Эта пѣсня есть почти буквальный переводъ изъ Вальтера Скотта (lady of the lake).

LXII.

Прощанье съ моремъ.

Снова и снова иду я съ тоскою влюбленной
Жадно впиваться въ твою безконечность очами
Нужно разстаться и съ этой подругою свѣтло-
зеленой.
Вмѣстѣ, о море, мы ропщемъ, но влаги соленой
Я не умножу слезами.

Въ путь одинокій и зимній съ собой заберу я
Это движенье живое, и голосъ и краски;
Въ ночи безсонныя, дальней красою чаруя,
Ты мнѣ напомнишь свои незабвенныя ласки.

LVIII.

Монрепо.

Сѣрое небо и сѣрое море
Сквозь золотыхъ и пурпурныхъ листовъ,
Словно тяжелое старое горе
Смолкло въ послѣднемъ прощальномъ уборѣ
Свѣтлыхъ, прозрачныхъ и радужныхъ сновъ.

LIX.

Колдунъ—камень.

(посвящается Л. М. Лопатину).

Эти мшистыя громады
Сердце тянутъ какъ магнитъ.
Что отъ смертнаго вамъ надо,
Что за тайна здѣсь лежитъ?

Молвитъ древнее сказанье,
Что сѣдые колдуны
Правымъ рокомъ въ наказанье
За ужасныя дѣянья
Въ камни тѣ превращены.

Спятъ въ нѣмомъ оцѣпененьи,
Лишь одинъ, однажды въ вѣкъ
Въ свой чередъ изъ усыпленья
Встанетъ камень-человѣкъ.

Борода торчитъ сѣдая,
Какъ у волка взоръ горитъ,
И дыханье забирая
Грудь могучая дрожитъ.

Заклинанье раздается,
Мгла кругомъ потрясена,
И со стономъ въ берегъ бьется
Моря финскаго волна.

Воетъ буря, гулъ и грохотъ,
Море встало, какъ стѣна,
И далече слышенъ хохотъ
И проклятья колдуна.

Сила адскаго дыханья
Всю пучину подняла,
Гибнутъ грѣшныя созданья,
Гибнутъ грѣшныя дѣла.

И свершивъ предназначенье,
Вѣщій камень снова спитъ,
Но надъ нимъ—залогъ прощенья—
Тихо звѣздочка горитъ.

Эти мшистыя громады
Сердце тянутъ какъ магнитъ.
Что отъ смертнаго вамъ надо,
Что за тайна здѣсь лежитъ?

LX.

Озеро плещетъ волной безпокойною
Словно какъ въ морѣ растущій прибой,
Рвется къ чему-то стихія нестройная,
Споритъ о чемъ-то съ враждебной судьбой.

Знать не по сердцу оковы гранитныя
Только въ безмѣрномъ отраденъ покой.
Снятся былые вѣка первобытныя,
Хочется снова царить надъ землей.

Бейся, волнуйся, невольница дикая!
Вѣчный позоръ добровольнымъ рабамъ.
Сбудется сонъ твой, стихія великая,
Будетъ просторъ всѣмъ свободнымъ волнамъ.

LXI.

Что этой ночью съ тобой совершилося?
Ангелъ надеждъ говорилъ-ли съ то бой?
Или вчерашней грозой истомилося
И отдыхаешь предъ новой борьбой?

Тихо лепечутъ струи озаренныя,
Тихо сіяетъ небесъ благодать,
Только вдали дерева обнаженныя
Вдругъ прошумятъ и замолкнутъ опять.

LXII.

(посв. Н. Е. Ауэръ).

Этотъ матово-свѣтлый жемчужный просторъ
Въ небесахъ и въ зеркальной равнинѣ,
А вдали этотъ черный застывшій узоръ,—
Тамъ, гдѣ лѣсъ отразился въ пучинѣ.

Если воздухъ прозрачный доноситъ порой
Дѣтскій крикъ иль бубенчики стада—
Здѣсь и самые звуки звучатъ тишиной,
Не смущая безмолвной отрады.

Такъ остаться бы вѣкъ—и свѣтло, и тепло
Здѣсь на чистомъ нетающемъ снѣгѣ.
Злая память и скорбь—все куда-то ушло,
Все расплылось въ чарующей нѣгѣ.

LXIII.

Тебя полюбилъ я, красавица нѣжная,
И въ свѣтло-прозрачный, и въ сумрачный день.
Мнѣ любы и ясные взоры безбрежные,
И думы печальной суровая тѣнь.

Ужели обманъ—эта ласка нежданная?
Ужели скитальцу измѣнишь и ты?
Но сердце твердитъ: это пристань желанная
У ногъ безмятежной святой красоты.

Люби же меня ты красавица нѣжная,
И въ свѣтло-прозрачный и въ сумрачный день.
И пусть эти ясные взоры безбрежные
Все горе былое развѣютъ какъ тѣнь.

LXIV.

Ночь на Рождество.

(посвящается В. Л. Величко).

Пусть все поругано вѣками преступленій,
Пусть незапятнаннымъ ничто не сберeглось,
Но совѣсти укоръ сильнѣе всѣхъ сомнѣній,
И не погаснетъ то, что разъ въ душѣ зажглось.

Великое не тщетно совершилось;
Не даромъ средь людей явился Богъ;
Къ землѣ не даромъ небо приклонилось,
И распахнулся Вѣчности чертогъ.

Въ незримой глубинѣ сознанья міpового
Источникъ истины живетъ не заглушенъ,
И надъ руинами позора вѣкового
Глаголъ ея звучитъ какъ похоронный звонъ.

Родился въ мірѣ свѣтъ, и свѣтъ отвергнутъ тьмою,
Но свѣтитъ онъ во тьмѣ, гдѣ грань добра и зла.
Не властью внѣшнею, а правдою самою
Князь вѣка осужденъ и всѣ его дѣла.

LXV.

На Саймѣ зимой.

Вся ты закуталась шубой пушистой,
Въ снѣ безмятежномъ затихнувъ лежишь.
Вѣетъ не смертью здѣсь воздухъ лучистый
Эта прозрачная, бѣлая тишь.

Въ невозмутимомъ покоѣ глубокомъ,
Нѣтъ, не напрасно тебя я искалъ.
Образъ твой тотъ же предъ внутреннимъ окомъ,
Фея-владычица сосенъ и скалъ!

Ты непорочна, какъ снѣгъ за горами,
Ты многодумна, какъ зимняя ночь,
Вся ты въ лучахъ, какъ полярное пламя,
Темнаго хаоса свѣтлая дочь!

LXVI.

Шумъ далекій водопада
Раздается черезъ лѣсъ,
Вѣетъ тихая отрада
Изъ-за сумрачныхъ небесъ.

Только бѣлый сводъ воздушный,
Только бѣлый сонъ земли..
Сердце смолкнуло послушно,
Всѣ тревоги отошли.

Неподвижная отрада,
Все слилось какъ бы во снѣ...
Шумъ далекій водопада
Раздается въ тишинѣ.

*

LXVII.

Отшедшимъ.

Едва покинулъ я житейское волненье,
Отшедшіе друзья ужь собрались толпой,
И прошлыхъ смутныхъ лѣтъ далекія видѣнья
Яснѣе и яснѣй выходятъ предо мной.

Весь свѣтъ земного дня вдругъ гаснетъ и
блѣднѣетъ,
Печалью сладкою душа упоена,
Еще незримая уже звучитъ и вѣетъ
Дыханьемъ Вѣчности грядущая весна.

Я знаю: это вы къ землѣ свой взоръ склонили,
Вы подняли меня надъ тяжкой суетой
И память вѣчнаго свиданья оживили,
Едва не смытую житейскою волной.

Еще не вижу васъ, но въ часъ предназначенья,
Когда злой жизни дань всю до конца отдамъ,
Вы въявь откроете обитель примиренья,
И путь укажете къ немеркнущимъ звѣздамъ.

LXVIII.

Иматра.

Шумъ и тревога въ глубокомъ покоѣ,
Мутныя волны средь бѣлыхъ снѣговъ,
Льдины прибрежной пятно голубое,
Неба жемчужнаго тихій покровъ.

Жизнь міровая въ стремленіи смутномъ
Такъ же несется бурливой струей,
Въ шумѣ немолчномъ, хотя лишь минутномъ,
Тотъ же царитъ неизмѣнный покой.

Страсти волну, съ ея пѣной кипучей
Тщетнымъ желаньемъ, дитя, не лови;
Вверхъ погляди на недвижно-могучій
Съ небомъ сходящійся берегъ любви.

LXIX.

Сонъ на яву.

Лазурное око
Сквозь мрачно-нависшія тучи...
Ступая глубоко
По снѣжной пустынѣ сыпучей,
Къ загадочной цѣли
Иду одиноко.
За мной только ели,
Кругомъ лишь далеко
Раскинулась озера ширь въ своемъ бѣломъ уборѣ,
И вслухъ тишина говоритъ мнѣ: нежданное
сбудется вскорѣ.
Лазурное око
Опять потонуло въ туманѣ,
Въ тоскѣ одинокой
Блѣднѣетъ надежда свиданій.
Печальныя ели
Тѣмнѣютъ вдали безъ движенья,
Пустыня безъ цѣли,
И путь безъ стремленья,
И голосъ все тотъ-же звучитъ въ тишинѣ безъ
укора:
Конецъ уже близокъ, нежданное сбудется скоро.

LXX.

(Памяти А. Ѳ. Аксаковой).

Опять надвинулись томительныя тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ,
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И къ невозвратному бѣгутъ потоки слезъ.

Не объ утраченныхъ: о нѣтъ, они вернутся,—
Того мгновенья жаль, что сгибло навсегда,
Его не воскресить, и медленно плетутся
За мигомъ вѣчности тяжелые года.

Иль эта мысль обманъ, и въ прошломъ только тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ?
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И къ невозвратному бѣгутъ потоки слезъ.

LXXI.

(посв. Н. Е. Ауэръ).

Лишь только тѣнь живыхъ, мелькнувши,
исчезаетъ,
Тѣнь мертвыхъ ужь близка,
И радость горькая имъ снова отвѣчаетъ
И сладкая тоска.

Чтожь онъ пророчитъ мнѣ, настойчивый и
властный
Призывъ родныхъ тѣней?
Расцвѣтъ ли новыхъ силъ торжественный и
ясный,
Конецъ ли смертныхъ дней?

Но чтобъ ни значилъ онъ привѣтъ вашъ
замогильный,
Съ нимъ сердце бьется въ ладъ,
Оно за вами, къ вамъ, и по дорогѣ пыльной
Мнѣ не идти назадъ.

LXXII.

(посв. кн. А. Д. Оболенскому).

Наконецъ она стряхнула
Обветшалый свой уборъ,
Улыбнулась и вздохнула
И открыла ясный взоръ.

Неба пламенныя розы
Отражаются въ волнѣ,
И разноситъ духъ березы
Лѣсъ въ прозрачномъ полу-снѣ.

Отчего же день расцвѣта
Для меня печали день?
Отчего на праздникъ свѣта
Я несу ночную тѣнь?

Съ пробудившейся землею
Разлученъ, въ нѣмой странѣ
Кто-то съ тяжкою тоскою
Шепчетъ: вспомни обо мнѣ!

ПЕРЕВОДЫ и ПОДРАЖАНІЯ.

Изъ Гафиза.

LXXIII.

Всѣхъ, кто здѣсь въ любовь не вѣритъ,
Я зову къ моей могилѣ!
Милой имя назовите
И дивитесь тайной силѣ:
Стономъ жалобнымъ отвѣтитъ
Сердце бѣдное въ могилѣ.

LXXIV.

Что деревья вихорь бурный
Съ корнемъ вырываетъ,
То не диво — такъ отъ вѣка
На землѣ бываетъ.
Но какимъ же это чудомъ,
Какъ это случилось,
Что меня твоихъ прекрасныхъ,
Сладкозвучныхъ, тихихъ, ясныхъ
Устъ дыханье убиваетъ?

LXXV.

Въ мрачной кельѣ замкнулъ я всѣ думы свои,
Я старался быть твердымъ, какъ камень;
Виноватъ ли я въ томъ, что изъ камня-любви
Вдругъ явились и искры, и пламень?

LXXVI.

Еслибъ вѣдалъ умъ, какъ сладко
Жить сердцамъ въ плѣну кудрей,
Поспѣшилъ бы онъ конечно
Самъ съума сойти скорѣй.

LXXVII.

Для меня вопросъ мудреный
И труднѣйшая задача,
        Это станъ моей Зулейки,
Ибо онъ такъ дивно тонокъ,
Что его считать я долженъ
За чистѣйшее ничто, —
И однако-жъ онъ есть нѣчто:
Бытіе съ небытіемъ
Здѣсь сливаются въ единствѣ
Осязательно простомъ,
А разсудокъ побѣжденный
Умолкаетъ со стыдомъ.

LXXVIII.

Языковъ такъ много, много!
И во всѣхъ звучитъ одно:
По ромейски, по фарсійски —
Вѣрь въ любовь и пей вино.

LXXIX.

Не мани меня ты, шейхъ,
Четками напрасно!
Для Гафиза твои сѣти
Нынѣ безопасны.
Онъ попалъ внезапно въ секту
Злыхъ еретиковъ,
Опьяненныхъ
И влюбленныхъ
Въ розу соловьевъ.

*

LXXX.

От҄ улыбки твоей благодатной
Роз҄ кустарник҄ расцвѣл҄ ароматный,
А любви моей взоры горят҄
В҄ ярком҄ пурпурѣ этих҄ гранат҄.

LXXXI.

Горькой мудростью людскою
Я довольно насладился!
Еслибъ не трактирщикъ старый
Я бъ и съ жизнію простился.

LXXXII.

Воды, шумящія волны, — потопъ угрожаетъ!
Мудро въ ковчегѣ себя сберегли вы —
Въ погребѣ винномъ: сидитъ тамъ съ сынами
Праотецъ нашъ, Гафизъ благочестивый.

Здравствуй, о здравствуй, Ной нашего вѣка!
Ты не отвергъ ни единой скотины, —
Только педантъ да ханжа нечестивый
Гибнутъ упрямо средь водной пучины.

LXXXIII.

Зачѣмъ ты пьешь? я знать желаю!
Скажу зачѣмъ: я золъ и гордъ,
И въ море пьянства выѣзжаю,
Чтобъ зло все выбросить за бортъ.

LXXXIV.

На мотивъ изъ Мицкевича.

Пускай намъ разлуку судьба присудила,—
Зачѣмъ умножать неизбѣжныя муки?
О другъ, если сердце любить не забыло,
Ты въ часъ разставанья молчи о разлукѣ!

Отдать не хочу я враждующей силѣ
Блаженства послѣднихъ крылатыхъ мгновеній,
Чтобъ могъ схоронить въ одинокой могилѣ
Я память любви безъ тоски и сомнѣній.

Чтобъ грезить я могъ до скончанія свѣта
Про нѣжныя ласки, про ясныя очи,
Пока не сойдешь ты, въ сіянье одѣта,
Меня пробудить отъ томительной ночи.

LXXXV.

Изъ «vita nuova» Данте.

(Посв. М. С. Соловьеву).

Все въ мысляхъ у меня мгновенно замираетъ,
О, радость свѣтлая, завижу лишь тебя!
Приблизиться хочу,—любовь меня пугаетъ
И говоритъ: бѣги! или умри, любя!
Съ туманомъ борются темнѣющіе взгляды....
Что въ сердцѣ у меня—ты на лицѣ прочтешь,
И камни самые спасительной ограды
Подъ трепетной рукой кричатъ: бѣги—умрешь!
Ты видѣла меня, и взоръ твой молчаливый
Душа убитая въ гробу своемъ звала.
Лучъ жалости одинъ, лучъ жалости стыдливой,—
И, вновь воскреснувши, она бы расцвѣла;
Но, смерть свою любя, съ надеждой боязливой
Она вотще твой взоръ молила и ждала.

LXXXVI.

Эпиграмма Дж. Б. Строцци на статую «Ночь» Микель-Анджело.

1.

Ты Ночь здѣсь видишь въ сладостномъ покоѣ;
Изъ камня Ангеломъ изваяна она,
И если спитъ, то жизнію полна:
Лишь разбуди,—заговоритъ съ тобою!

2.

Отвѣтъ Микель-Анджело.

Мнѣ сладокъ сонъ, и слаще камнемъ быть!
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядѣть—одно спасенье.....
Умолкни, чтобъ меня не разбудить.

LXXXVII.

Умныя звѣзды.

(Изъ Гейне).

Цвѣты мы и любимъ—
И мы же ихъ губимъ:
Въ томъ сами они виноваты:
Растутъ у дороги,
Суются подъ ноги—
За то и бываютъ измяты.
Въ глубокомъ просторѣ
Индѣйскаго моря
Не мало жемчужинъ таится;
Зарыты далеко,—
Все жь зоркое око
Людское не дастъ имъ укрыться.
Ихъ сѣтью поймаютъ,
Имъ сердце пронзаютъ
И вяжутъ ихъ нитью шелковой.
Томиться въ неволѣ
Ихъ горькая доля:
Хоть нити, а тѣ же оковы!

Всѣхъ звѣзды умнѣе:
Вверху пламенѣя,
На землю глядятъ безъ тревоги.
Лампады вселенной
Въ красѣ неизмѣнной
Блаженны и вѣчны, какъ боги.

LXXXVIII.

Изъ Петрарки.

Хвалы и моленія Пресвятой Дѣвѣ.

I.

Въ солнце одѣтая, звѣздо-вѣнчанная,
Солнцемъ Превышнимъ любимая Дѣва!
Свѣтъ Его вѣчный въ себѣ ты сокрыла.
Немощнымъ звукамъ земнаго напѣва
Какъ вознестись къ Тебѣ, Богомъ желанная!
Дай же, молю, мнѣ небесныя крыла,
Ты, что во вѣки свой слухъ не закрыла
Вѣрнаго сердца мольбамъ,
Но, милосердная къ тайнымъ скорбямъ,
Съ помощью тайной всегда нисходила.
Жизни темница томитъ меня тѣсная,
Дай же прибѣжище сердцу больному,
Праху земному,
Царица небесная!

2.

Въ дѣвахъ премудрыхъ ты яркосвѣтящая!
Чистымъ елеемъ огонь твой нетлѣнный
Вѣчно горитъ и не знаетъ затмѣнія.
Ты всѣмъ гонимымъ Покровъ неизмѣнный,
Въ смертномъ бореньи ты знамя спасенія!
Щитъ всѣхъ скорбящихъ, ты всескорбящая!
Страсти безумной злое горѣніе
Да утолится тобою!
Съ неизреченной тоскою
Видѣла ты неземныя мученія.
Ими спасенный, зачѣмъ я страдаю?
Мною владѣетъ врагъ побѣжденный!
Мыслью смущенной
Къ тебѣ прибѣгаю.

3.

Всенепорочная, Дѣва пречистая,
Слова предвѣчнаго мать и созданіе!
Слава земной и небесной природы!
Сынъ твой и Вышняго Бога сіяніе,—
О, безконечности око лучистое!—
Въ вѣки послѣдніе, въ тяжкіе годы
Пристань спасенья, начало свободы
Намъ чрезъ тебя даровалъ.
Онъ одну между всѣми избралъ,

Онъ въ тебѣ возлюбилъ и грядущіе роды.
О, открой милосердія двери,
Всеблагодатная, къ жизни нетлѣнной
Душѣ смиренной
Въ любви и вѣрѣ.

4.

О, всесвятая, благословенная,
Лѣствица чудная, къ небу ведущая!
Съ неба ко мнѣ приклони свои очи!
Воду живую, въ вѣчность текущую,
Ты намъ дала, голубица смиренная,
Ты Солнце Правды во мракъ нашей ночи
Вновь возвела. Мать, невѣста и дочерь,
Дѣва всеславная,
Міродержавная
И таинница Божьихъ совѣтовъ!
Проведи ты меня сквозь земные туманы
Въ горнія страны,
Въ отчизну свѣтовъ!

5.

Дѣва единая межь земнородными,
Небо плѣнила ты чистой красою.
Въ цѣпи златой ты звено неразрывное
Зла не касаяся волей святою,

Думами ясными, Богу угодными,
Храмомъ живымъ Его стала ты, дивная!
Скорбь моя тяжкая, скорбь непрерывная
Свѣтлою радостью вся расцвѣтетъ,
Если молитва твоя низведетъ
Въ сердца пустыню небесъ изобиліе.
Въ духѣ смиренномъ склонивъ колѣна,
У всепобѣдной прошу защиты.
Цѣпь разорви ты
Земнаго плѣна.

6.

Свѣтлая Дѣва, во вѣкъ неизмѣнная,
Въ плаваньи бурномъ звѣзда путеводная,
Кормчій надежный въ годину ненастную!
Знаешь ты скалы и камни подводные,
Видишь блужданья мои безъисходныя.
Долго боролась душа, удрученная
Долей враждебною, волею страстною;
Сердце измучено битвой напрасною.
Немощь мою ты отъ вражьяго плѣна избавь,
Челнъ погибающій въ пристань направь!
Онъ ужь, разбитый, не споритъ съ грозою ужасной.
Усмири же ты темное, бурное море,
Злобу и горе
Кротостью ясной!

7.

Лилія чистая среди нашихъ терній,
Въ мрачной пучинѣ жемчужина ясная,
Въ пламени зломъ купина не горящая,
Въ общемъ потопѣ ладья безопасная,
Облако свѣтлое, мглою вечерней
Божьимъ избранникамъ ярко блестящее,
Радуга, небо съ землею мирящая,
Божьихъ завѣтовъ ковчегъ неизмѣнный,
Манны небесной фіалъ драгоцѣнный,
Высь неприступная, Бога носящая!
Дольный нашъ міръ осѣни лучезарнымъ покровомъ,
Свыше ты осѣненная,
Вся озаренная
Свѣтомъ и словомъ!

LXXXIX.

Ночное плаваніе.

Изъ «Романцеро» Гейне.

1.

Вздымалося море; луна изъ-за тучъ
Уныло глядѣлась въ волнѣ.
Отъ берега тихо отчалилъ нашъ челнъ,
И было насъ трое въ челнѣ.

2.

Стройна, недвижима, какъ блѣдная тѣнь,
Предъ нами стояла она;
На образъ волшебный серебряный блескъ
Порою кидала луна.

3.

Тоскливо и мѣрно удары весла
Звучали въ ночной тишинѣ.
Сходилися волны, и тайную рѣчь
Волна говорила волнѣ.

4.

Вотъ сдвинулись тучи толпой, и луна
Сокрыла свой плачущій ликъ.
Повѣяло холодомъ... Вдругъ въ вышинѣ
Пронесся пронзительный крикъ.

5.

То бѣлая чайка морская; какъ тѣнь,
Надъ нами мелькнула она,
И вздрогнули всѣ мы,—тотъ крикъ намъ грозилъ
Какъ призракъ зловѣщаго сна.

6.

Не брежу ли я? Иль то ночи обманъ
Такъ злобно играетъ со мной?
Ни въ явь, ни во снѣ—и страшитъ, и манитъ
Созданіе мысли больной.

7.

Мнѣ чудится, будто—посланникъ небесъ—
Всѣ страсти, всѣ скорби людей,
Все горе и муки, всю злобу вѣковъ
Въ груди заключилъ я своей.

*

8.

Въ неволѣ, въ тяжелыхъ цѣпяхъ Красота,
Но часъ избавленья пробилъ.
Страдалица, слушай: люблю я тебя,
Люблю и отъ вѣка любилъ.

9.

Любовью нездѣшней люблю я тебя.
Тебѣ я свободу принесъ,
Свободу отъ зла, отъ позора и мукъ,
Свободу отъ крови и слезъ.

10.

Страдалица, горекъ любви моей даръ,
Онъ—смерть для стихіи земной,
Лишь въ смерти спасеніе падшихъ боговъ.
Умрешь и воскреснешь со мной.

11.

Безумная греза, болѣзненный бредъ!
Кругомъ только мгла да туманъ.
Волнуется море, и вѣтеръ реветъ.....
Все призракъ, все ложь и обманъ!

12.

Но что это? Боже, спаси ты меня!
О, Боже великій, Шаддай!
Качнулся челнокъ, и всплеснула волна.....
Шаддай! о, Шаддай, Адонай!

13.

Ужь солнце всходило по зыби морской
Играя пурпурнымъ лучемъ.
И къ пристани тихо причалилъ нашъ челнъ.
Мы на берегъ вышли *вдвоемъ*.

XC.

Изъ Платона.

На звѣзды глядишь ты, звѣзда моя свѣтлая!
О, быть бы мнѣ небомъ, въ широкихъ объятіяхъ
Держать бы тебя и очей миріадами
Тобой любоваться въ безмолвномъ сіяніи.

XCI.

Изъ Лонгфелло.

Все память возвратить готова:
Мѣста и лица, день и часъ,—
Одно лишь не вернется снова,
Одно, что дорого для насъ.

Все внѣшнее опять предъ нами,
Себя лишь намъ не воскресить
И съ обновленными струнами
Душевный строй не согласить.

XCII.

Изъ Теннисона.

(Памяти О. Н. Смирновой).

Когда весь черный и нѣмой
Нисходитъ часъ желанныхъ сновъ,
Ты не зови меня домой,
Безмолвный голосъ мертвецовъ!
О не зови меня туда,
Гдѣ свѣтъ дневной такъ одинокъ.
Вонъ за звѣздой зажглась звѣзда,
Ихъ путь безбреженъ и высокъ:
Туда—въ сверкающій потокъ,
Въ завѣтный часъ послѣднихъ сновъ
Влеки меня, безмолвный зовъ.

XCIII.

Поллiонъ.

(Четвертая эклога Виргилія).

Музы Сициліи! Пѣснь теперь мы начнемъ поважнѣе
Радуютъ сердце не всѣмъ кустарникъ и низкія травы.
Пѣть намъ лѣса,—пусть лѣса достойны консула будутъ.
Возрастъ послѣдній уже насталъ по кумейскимъ вѣщаньямъ.
Новыхъ великихъ вѣковъ чреда зарождается нынѣ.
Вотъ ужь и Дѣва грядетъ, грядетъ и Сатурново царство.
Новое племя уже съ небесъ посылается горнихъ.
Ты же къ младенцу тому, съ кѣмъ желѣзный вѣкъ прекратится,
Съ кѣмъ для міра всего взойдутъ времена золотыя,
Чистая, ласкова будь, Люцина: твой Фебъ уже правитъ.

Онаго вѣка краса при тебѣ, Полліонъ, зародится.
Консульство узритъ твое начатки временъ величайшихъ,
И хоть еще при тебѣ слѣды грѣха рокового
Будутъ у насъ, но вотще: мы вѣчнаго страха избудемъ.
Жизнь боговъ воспринявъ, онъ вмѣстѣ съ богами увидитъ
Всѣхъ героевъ земли, и самъ будетъ зримъ между ними.
Міръ примиривъ, воцаритъ онъ отчую силу надъ міромъ.
Первымъ, младенецъ, тебѣ земля незатѣйливымъ даромъ
Стелетъ вьющійся плющъ и съ нимъ ползучія травы,
Дальше — блестящій аканѳъ въ перемежку съ розой Индійской.
Козы домой понесутъ сосцы, растяженные млекомъ,
Сами: чудовищныхъ львовъ стада бояться не будутъ.
Сами собою цвѣты дадутъ тебѣ мягкое ложе.
Сгинетъ и змѣй, а за нимъ и зелье лукавое сгинетъ,
И ассирійскій амомъ рождаться станетъ повсюду.
Только что ты о дѣлахъ отца и про славу героевъ

Станешь читать и начнешь постигать, въ чемъ доблести сила,
Какъ по немногу поля зажелтѣютъ колосомъ мягкимъ,
И на дикихъ лозахъ повиснутъ багряные грозды,
Твердый же дубъ источать росу медвяную станетъ.
Но не совсѣмъ пропадутъ созданія древней обиды.
Нужно будетъ еще Θетиду пытать кораблями,
Грады стѣной окружать, бороздами взрѣзывать землю.
Явится Тифисъ другой и снова героевъ избранныхъ
Арго другой повезетъ и войны тѣ-жъ повторятся
И вторично пошлютъ Ахилла великаго къ Троѣ,
Но лишь мужемъ тебя окрѣпшій содѣлаетъ возрастъ,
Съ моря исчезнетъ пловецъ, и соснѣ корабельной товаровъ
Ужь не мѣнять: вся земля давать всѣмъ поровну будетъ;
Почвы не тронетъ кирка, и ножъ лозы не коснется.
Пахарь дородный тогда воловъ избавитъ отъ ига.
Больше не будутъ ужь насъ обманывать краской искусной
Ткани, но сами въ лугахъ овны окрашивать будутъ

Пурпуромъ нѣжнымъ руно, иль яркимъ цвѣтомъ шафрана
Самъ собою сандиксъ пасущихся агнцевъ одѣнетъ.
Вотъ какіе вѣка соткутъ на своихъ веретенахъ
Съ волею вышнихъ судебъ неизмѣнно согласныя Парки.
Къ почестямъ ты приступи, — настало ужь время,—къ великимъ,
Отпрыскъ боговъ дорогой, великій Зевса питомецъ!
Узришь нынѣ сей міръ, что движется тяжестью круглой,
Земли, пучины морей и неба глубокаго своды,—
Узришь, чтобъ радостью все грядущій вѣкъ повстрѣчало.
О, еслибъ мнѣ сохранить остатокъ жизни и силы
Духа довольно, чтобъ могъ твои возвѣстить я дѣянья!
Въ пѣсняхъ тогда бы меня ни Ѳракійцу Орфею, ни Лину
Не побѣдить, хотя-бъ имъ отецъ и мать помогали:
Калліопея тому, а этому—Фебъ свѣтозарный.
Панъ предъ Аркадіей всей когда-бы со мной состязался,
— Панъ предъ Аркадіей всей призналъ бы себя побѣжденнымъ.
Нынѣ, младенецъ, начни улыбкой привѣтствовать матерь.

Десять ужь мѣсяцевъ ей, смѣняясь, труда не
мѣняли.
Нынѣ начни ты: кого не встрѣчали родители
лаской,
Тотъ ни трапезы боговъ, ни ложа богинь не
достоинъ.

Примѣчаніе. Эта эклога, которая кажется загадочною даже скептическому историку Гиббону, содѣйствовала обращенію Константина Великаго въ христіанство и сдѣлала изъ Виргилія почти святого въ глазахъ средневѣковыхъ христіанъ. Общій смыслъ стихотворенія ясенъ. Объединеніе тогдашняго историческаго міра въ Имперіи Августа вызвало въ поэтѣ ожиданіе еще болѣе великаго переворота—наступленія золотого вѣка, или Сатурнова Царства съ возвращеніемъ на землю дѣвы Астреи, богини правды и міра. Знакомство Виргилія съ мессіанскими пророчествами евреевъ не представляетъ ничего невозможнаго. Загадочнымъ остается только отношеніе всѣхъ этихъ грандіозныхъ предсказаній къ тому дѣйствительному римскому младенцу (былъ ли это сынъ консула Полліона, или кого либо другого), съ которымъ связано это стихотвореніе.—Сначала мой переводъ былъ болѣе свободнымъ и легкимъ, но покойный А. А. Фетъ настойчиво совѣтовалъ мнѣ держаться подлинника, по возможности съ буквальною точностью, и въ виду ***историческаго*** значенія четвертой эклоги я рѣшился послѣдовать этому совѣту.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Переводы и подражанія.

I. Изъ Гафиза.

II. Изъ разныхъ поэтовъ.

ОПЕЧАТКИ.

ница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
7	10	Сарматскія	Сарматскіе
47	17	сторонѣ-же	сторонѣ-жь
49	11	кто-жь	кто-жь
64	4	новый	новой
71	11	запустили	запустила
21	3	Виргилія	Вергилія
25	10	Виргилія	Вергилія
25	16	Виргилія	Вергилія

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 06370 6215

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1) НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

Выпускъ первый. Изданіе третье. (Ц. 1 р.)

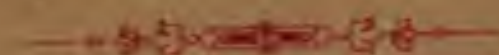
2) НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

Выпускъ второй. (Ц. 2 р. 50 к.).

…бѣ книги продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

…РАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Іюля 1895 г.
Типографія И. Н. Скороходова, Стремянная ул., д. № 12.